

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТРУДАХ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ XI - XIII ВВ.: СОВЕТСКАЯ И ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

SOCIO-ANTHROPOLOGICAL
PERSPECTIVE IN THE WORKS
ON THE HISTORY OF ANCIENT RUS
XI - XIII CENTURIES.: SOVIET
AND POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY

V. Dolgov

Annotation

This paper investigates the historical studies in history of Ancient Rus XI – XIII centuries. The author came to the conclusion that methods of social anthropology used by many scientists who have studied Ancient Rus. Very important studies have been done by ethnologists, historians of culture and textologists.

Keywords: social anthropology, ancient Russia.

Долгов Вадим Викторович

*Д.ист.н, профессор,
ФГБОУ ВПО "Удмуртский
государственный университет"*

Аннотация

Статья посвящена изучению социально-антропологических проблематики в трудах по истории Древней Руси XI – XIII вв. в советской и постсоветской отечественной исторической науке. Автор уделяет особое внимание работам этнологов, специалистов по гендерной истории, герменевтике и исторической психологии.

Ключевые слова:

Социальная антропология, Древняя Русь.

В историческом исследовании всегда существуют и соперничают две тенденции. Одна из них может быть представлена в виде быстрого бега по ленте времени: год за годом, столетие за столетием. Этот подход к изложению материала называется диахроническим. Таким образом строились исторические описания начиная с глубокой древности.

Но иногда по ходу исследовательской работы хронологический бег замедляется, внимание фиксируется на какой-либо эпохе. Историк останавливается, чтобы осмотреться повнимательней, отойти в сторону от генерального пути развития политических событий, присмотреться к мелочам быта, характеру людей, уловить какие-то более тонкие взаимосвязи в экономике, культуре, религии. Это синхронический подход. Зародился он также с самого начала формирования исторической традиции, но первоначально служил вспомогательным средством, дополняющим диахроническое описание.

Однако со временем соотношение начало изменяться. Синхроническое описание стало институализироваться в качестве самостоятельного метода. Историк вышел из воображаемой машины времени, за окном ко-

торой в стремительном движении мелькали войны, политические реформы и "великие" деятели, и пустился в "пешее путешествие" по изучаемой эпохе. Именно тогда был сделан первый шаг к формированию антропологически ориентированной истории.

Быт и нравы, история ментальностей, картины мира, структуры повседневности стали предметом работы отечественных и зарубежных историков с конца XIX – и оставались на протяжении всего XX века.

Вместе с тем, социально-антропологическая проблематика не относилась к числу приоритетных в советской исторической науке. Традиция "бытописательства" и социально-антропологического, "человековедческого" взгляда на историю, заложенные дореволюционными исследователями, сохранялись преимущественно отечественными этнологами, в трудах которых культура русского этноса всегда рассматривалась в ее исторической ретроспективе.

Исследования М.Г. Рабиновича не имеют равных в отечественной историографии по качеству синтетической работы: данные разрозненных источников он интег-

рировал в цельную картину повседневной жизни древнерусского феодального города. Его подход был чрезвычайно близок социально-антропологической идее "виртуальной этнографической экспедиции в прошлое". Взгляд этнографа, осведомленного в более поздних реалиях, "оживлял" археологические материалы, позволяя увидеть за абстрактными описаниями ископаемых объектов отражение социальной практики [36, 37].

Антропологическая составляющая, отличающая историко-этнологическую работу от собственно археологической, заключается не только (и не столько) в том, чтобы привлекать к исследованию дополнительные виды источников (письменные, фольклорные). Основная специфика антропологического способа исследовательской мысли заключается в том, чтобы не останавливаться, например, на констатации наличия в "культурном слое" различных типов жилых построек, а постараться выяснить, чем эти различия были обусловлены, насколько они вызваны техническими обстоятельствами, а насколько – соображениями социальной престижности, культовыми условностями и пр. Антропологическая составляющая выражается в особой форме интерпретации, нацеленной, прежде всего, на реконструкцию форм общественной жизни.

Конечно, подобные экскурсы присутствуют и в работах многих "чистых" археологов, но там они часто носят факультативный характер [17], в то время как у М.Г. Рабиновича – это магистральное направление работы.

Научный подход М.Г. Рабиновича был для своего времени и среды достаточно революционным. Во введении к своим работам он раз за разом доказывал правомочность обращения к избранной теме с этнографических позиций, указывая на перекося в исследованиях народной культуры в сторону изучения одного только крестьянства.

Объектом его рассмотрения стал "русский феодальный город" как типическое явление. Его выводы учитывали сведения, касавшиеся разных городов Древней Руси. В итоге исследователю удалось выстроить целостную картину, в которой историческая конкретика помогала понять общие, сущностные черты изучаемого явления.

Подход М.Г. Рабиновича предполагал социально-антропологическое ("этнографическое" в терминологии самого исследователя) исследование русского феодального города во всей ее полноте, или, используя термин французской школы "Анналов", во всей ее тотальности: общественный и домашний быт, материальная культура. Следует отметить, что именно в работах М.Г. Рабиновича близость отечественной этнографии и западной социальной антропологии наиболее заметна: в древнерусском городе его привлекали не столько проявления этничности, сколько их культурное своеобразие в самом ши-

роком смысле.

Однако, несмотря на концептуальное новаторство, были в его работах и некоторые "белые пятна", обусловленные ограничениями, налагаемыми, надо думать, именно господствующей исследовательской парадигмой отечественной этнографической науки II пол. XX в. Так, рассматривая общественную жизнь, М.Г. Рабинович мало уделял внимания ее политической составляющей, а рассмотрение духовной культуры ограничивалось у него только "простонародными" ее проявлениями, хотя хранителей "высокой" культурной традиции в древнерусском городе вряд ли можно "вынести за скобки" общекультурного процесса. Говоря об "общественной жизни и быте", он концентрирует внимание на реалиях более поздних эпох, лучше обеспеченных источниками, не исчерпывая, однако, возможности источников для освещения эпох более ранних (домонгольской Руси).

И, тем не менее, сделанное М.Г. Рабиновичем для расширения и углубления "человековедческого" взгляда в прошлое, для формирования отечественного этнографического, социально-антропологического знания трудно переоценить. Работ такого качества было немного.

К их числу также следует отнести фундаментальный труд "Русские" [43], обобщивший достижения отечественной науки по разным аспектам этнографии русского народа. Этот труд важен и интересен тем, что не просто объединяет под одной обложкой имеющиеся наработки, но еще и задает границы исследовательского поля этнологического и социально-антропологического изучения русских на сегодняшний день. Оглавление этого труда может быть прочитано как своеобразная исследовательская программа, как перечень наиболее значимой проблематики.

Здесь, наряду с традиционными сюжетами, связанными с домашним и семейным бытом, уделено особое внимание формированию национального сознания и народной памяти, традиционным нравственным идеалам и вере, народной религиозности и вопросам гендера, и даже гражданским праздникам послепетровской России. Это только те аспекты новизны, которые отмечены в качестве таковых самими авторами во введении [43.С.9]. Но помимо этого читатель находит на страницах монографии еще много интересного.

Так, в главе, посвященной "общественному быту" русских (М.Г. Рабинович) [36. С. 540–557], помимо описания взаимоотношений на уровне микрогруппы в традиционной крестьянской общине, большое внимание уделено анализу социального уклада в общности более высокого типа: в древнерусском городе и в целом государстве.

На страницах книги рассмотрены древнерусские со-

циальные термины: бояре, "слуги вольные", купцы, "черные люди" и пр. Проанализирован социальный контекст их употребления. Тем самым, этнография тесно переплетена с общеисторической тематикой, соединяя дисциплины для создания цельного гуманитарного знания, для прояснения цельной картины общественно-политического уклада. Это чрезвычайно важно, поскольку традиция размежевания материала между общей историей, которая занимается городом и государством, и этнографией, концентрирующей свое внимание исключительно на реалиях крестьянской общины, исчерпала себя уже даже довольно давно. Относительно древнерусского материала рассматривать городскую общину в отрыве от сельской не представляется целесообразным. Более того, если исходить из понимания древнерусского государства как общинного в своей основе (И.Я. Фроянов), то сфера, в которой применение социально-антропологического анализа окажется оправданным еще более расширится. То, что при анализе общеисторическими средствами было неуловимым, может оказаться видимым при взгляде через "социально-антропологический светофильтр", который по сути является тем самым "насыщенным описанием" К. Гирца [5. С. 173].

В целом для названной монографии характерно большое внимание к культурно-психологическим аспектам социальной реальности. Например, наряду с рассмотрением исторического развития форм семьи, И.В. Власова пишет об отношении русских крестьян к семейной жизни [4. С.419]; наряду с описанием форм традиционной земледельческой и промысловой культуры [4. С. 158–183] рассматриваются религиозно-этические взгляды крестьян на землю и труд [13. С. 189–197].

На современном этапе новый импульс социально-антропологическим исследованиям истории русского средневековья в отечественной и мировой исторической науке дали работы историка и этнолога Н.Л. Пушкаревой. Уже первая ее книга "Женщины Древней Руси", вышедшая в 1989 г.[33] стала событием. Причем не только среди специалистов (книга получила свыше 20 рецензий во множестве стран), но и у широкой читающей публики. Книга была выпущена фактически предельным для научного издания тиражом в 100000 и разошлась мгновенно. С этой книгой в отечественной науке было открыто новое направление – женская и гендерная история. Нужно сказать, что гендерным исследованиям в России пришлось не столько пробивать препоны научной критики, сколько преодолевать неприятие феминистической доктрины, с которой прочно связывались эти исследования в общественном сознании. Противоречивость отношения к "истории женщин" отчетливо проявлялась в учебном процессе на исторических факультетах вузов. С одной стороны, скептические улыбки специалистов по "традиционной" социально-политической истории, с другой, огромный интерес к новой проблематике со стороны студентов

(и особенно студентов).

За истекшие десятилетия отношение к гендерным исследованиям значительно изменилось. Во-первых, несколько улеглись страсти, что понятно: если по сравнению с классической советской исторической наукой работа Н.Л. Пушкаревой выглядела как яркий вызов, что-то совсем новое, непривычное, то в современной историографической ситуации укрепившаяся школа гендерных исследований выглядит вполне академично, и чуть ли не традиционалистски. Во-вторых, помимо "женской" образовалась "мужская" история, что способствовало некоторому изменению восприятия гендерных исследований как теоретической базы воинствующего феминизма и углублению сугубо научной составляющей.

Прошедшие конференции и летние школы увеличили число специалистов, не только интересующихся, но и действительно знающих эту область исторической или социально-антропологической науки. Закономерным следствием развития направления стала подготовка Н.Л.Пушкаревой монографии, посвященной теории истории и гендера [24].

Чрезвычайно интересны работы Н.Л. Пушкаревой, в которых она развивает традиции школы "Анналов". Собственно, впервые методология французских "новых историков" к изучению русского материала была применена в ее книге "Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.)" Очень характерно, что первый шаг к антропологическим методикам в истории был в отечественной историографии сделан именно антропологом. "Классические" историки стали подтягиваться вслед. В книге, помимо богатого конкретного материала содержится теоретическое обоснование назревшей необходимости обратить внимание историков на проблемы, входящие в круг антропологического взгляда на историю [32].

Следует также назвать работы Н.Л. Пушкаревой, посвященные истории русской семьи [23. С. 47–59. 27. 28. С. 311–347], сексуальности [15. 25. С. 24–30. 29. С. 125–132. 29. С. 51–103], и историографические работы, посвященные зарубежным исследованиям этнографии русских [34].

Труды этнологов тесно переплетались с исследованиями, которые проводились в русле антропологически ориентированной истории. Под этим термином будем понимать работы, в которых социо-культурная составляющая исторического процесса учитывается в качестве определяющего фактора при рассмотрении социально-экономических и политических тем.

Проявляться это может по-разному: существенна концентрация внимания на Человеке. Часто интерес к

"человеческому измерению" прошедших эпох выражался у историков XVIII – XX вв. через изучение психологических аспектов социально-политической и этнокультурной реальности. Причем, психология бралась как в ее индивидуализированном виде (как "историко-психологический портрет"), так и в виде исследований коллективного сознания, социальной психологии. Психологические аспекты культуры – одна из неотъемлемых частей исследовательского поля современной социальной антропологии. Тема "психология и история", несомненно, была одной из тех, через которые антропологическая проблематика начала проникновение в работы по отечественной истории.

Впрочем, в советской исторической науке историко-психологическая проблематика не получила широкой популярности. Над умами довлел тезис патриарха отечественной психологии С.Л.Рубинштейна: "Проповедовать особую историческую психологию, это по большей части не что иное, как защищать любезную сердцу реакционеров социальную психологию, являющуюся, по существу, не чем иным, как попыткой психологизировать социологию, т.е. протащить идеализм в область изучения общественных явлений" [41]. Единственным ученым, который осмелился пойти против этого тезиса был Б.Ф. Поршнев [22. 23]. Однако, ни сам Поршнев, ни его непосредственные последователи древнерусской проблематикой не интересовались.

Единственным советским автором-русистом, обращавшимся к исторической психологии являлся Н.А. Рожков. Будучи одним из первых историков-марксистов, он в то же время оказался последним перед большим перерывом, из ученых, обращавших специальное внимание на психологию масс [39. С. 176], обыденные представления людей прошлого [38. С. 3–15], характерные черты древнерусского национального психического облика [40. С. 218–263].

Особняком в отечественной историографии Древней Руси стоит работа Б.А.Романова "Люди и нравы Древней Руси" [41]. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что ничего подобного ни до, ни после в советской науке не появлялось. На основании скрупулезного изучения и сопоставления источников ученый показал живую картину повседневной жизни древнерусского общества. Отличительной особенностью подхода Б.А.Романова является то, что, изучая, в общем, обычные для науки своего времени проблемы, он, в отличие от большинства ученых, избрал в качестве отправной точки своих построений Человека, его обыденное существование в социуме, его стремления, проблемы и страхи. Средневековый человек, глазами которого Б.А.Романов смотрит на русское общество XI – XIII вв. воплотился у него в образ Заточника, психологический портрет которого тонко и убедительно конструируется на страницах книги.

Помимо указанных, в советской исторической науке продолжало существовать направление, берущее начало в трудах дореволюционных исследователей, учитывавших в своих общеисторических построениях факты общественного сознания. В отечественной историографии новейшего времени вопросы социальной психологии, истории повседневности продолжали разрабатываться в рамках исследований, посвященных культурологической и социально-политической тематике.

В качестве примера могут быть привлечены труды А.В.Арциховского. По мнению А.Л.Ястребицкой, трактовка этим исследователем понятия "культура" во многом созвучна с той, которую дают современные французские историки-медиевисты, представители "Новой исторической науки" [48. С. 92]. В его исследовании, посвященном древнерусской миниатюре [1], помимо "объективно-фактологического" аспекта проблемы нашли отражение социально-психологические особенности восприятия, свойственные средневековому человеку. Социальная функция средневекового костюма, правила его ношения, символика – были рассмотрены в очерке "Одежда", написанном им для "Истории культуры Древней Руси"[2].

Многие психологические аспекты общественной жизни Руси X – XIII вв. получили освещение в трудах И.Я.Фроянова. При реконструкции социальных и политических процессов особенности сознания учитываются исследователем наравне с фактами, лежащими в юридической, экономической и политической плоскостях. Так, например, при рассмотрении роли князя в социальном устройстве русских земель-волостей им были вскрыты пережитки языческих представлений, связанных с сакрализацией роли вождя в архаических обществах [46. С. 118–150].

Общественная структура, развитие политических событий и социальной борьбы трактуются И.Я.Фрояновым с учетом того, что в сознании людей XI – XIII вв. оставалось еще очень много черт доклассовой, родовой ментальности [45]. Им было рассмотрено влияние древнеславянских религиозных представлений на русское христианство и общественное сознание Руси XI – XIII вв. [14. С. 288–330. 44. С. 25–34] и многое другое. Устойчивый интерес к социо-культурным аспектам прошлого характеризует работы и учеников И.Я. Фроянова, историков-русистов петербургской школы: А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, С.С. Пашина, А.В. Петрова, В.В. Пузанова.

Существенную роль в развитии социально-антропологических исследований русской истории играет не-большая по объему, но очень элегантная по построению и глубокая по содержанию работа В.П. Даркевича [10. С. 640–691]. В ней исследователь "широкими мазками" рисует панорамную картину социального бытия древнерусского города: коммуникативная роль города как цивили-

лизационного центра, домашняя и политическая жизнь горожан, субкультуры и пр. Работа носит обобщающий характер: можно сказать, в ней подводятся некоторый итог развитию антропологически ориентированных исследований в отечественной науке к концу XX в. Это панорамный обзор, в котором становятся видны наиболее важные направления движения научной мысли, делаются выводы, намечаются дальнейшие перспективы. Не все положения В.П. Даркевича могут считаться жестко доказанными, многое в этой работе – результат смелых аналогий с западноевропейской историей, достаточно вольных рассуждений. Это, однако, неизбежное следствие широты синтезирующего взгляда, без которого создание сколько-нибудь обобщенной картины невозможно.

Важное место в современной отечественной культурно-антропологической историографии Древней Руси занимают работы В.Я. Петрухина. В центре его внимания – изучение "тенденций этнокультурного синтеза, которые привели в X – XI вв. к формированию на славянской основе феномена древнерусской культуры" [21. С. 6]. Много сделано В.Я. Петрухиным в области изучения процессов складывания этнической и религиозной идентичности славян и Руси. Его работы отличает тонкая критика источников, учитывающая особенности средневекового способа мышления, без внимания к которым невозможно корректная перекодировка летописного текста на язык современной науки; и широкое привлечение лингвистических материалов, заставляющих по-новому посмотреть на многие устоявшиеся исследовательские штампы [17. 20].

К числу новейших исследователей, значительно расширивших наши представления о этнокультурных процессах в Древней Руси следует также отнести А.В. Назаренко [18.19]. Главное достоинство, "изюминка" его исследований – работа с западными латиноязычными источниками. В их использовании А.В. Назаренко, конечно, не является пионером, но по-настоящему масштабно для решения весьма значительного круга вопросов стал привлекать именно он. Будучи филологом по образованию, А.В. Назаренко часто использует в историческом исследовании филологические методы, возрождая на новом этапе традицию историко-филологических штудий, весьма популярных в дореволюционной науке.

Большое значение для формирования методологии настоящего исследования имеют теоретические разработки по герменевтике летописных текстов И.Н. Данилевского. Основная идейная посылка его теории центонно-парафразного строения средневековых текстов перекликается с работами представителей тартуско-московской семиотической школы, которые писали об определяющем значении восстановления культурно-исторического контекста в деле правильного понимания инокультурных текстов.

Данилевский предостерегает от буквального понимания сведений источника и призывает рассматривать его как фиксацию представлений автора текста, изложенных "в технике бриколажа", где в качестве исходных материалов используются тексты и образы, оказавшиеся "под рукой" летописца. При этом использованные кусочки сохраняют "память контекста", оказывающую непосредственное влияние на восприятие текста современниками.

Для адекватного понимания необходимо как можно более полно учесть все сопутствующее смыслу. "Для древнерусского читателя – и на это, несомненно, рассчитывали авторы "оригинальных" текстов – всякая цитата, в том числе и немаркированная, не только легко узнавалась, но и неизбежно отсылала его к "тексту-предшественнику", заставляя вспомнить прежний контекст, из которого она вырывалась. Таким образом, создаваемый текст не только связывался со своими литературными истоками, но и последние приобретали совершенно новые, порой неожиданные связи – как с современными им, так и с предыдущими и последующими произведениями. Чтение же текстов, построенных по центонно-парафразному принципу, превращалось в изощренную интеллектуальную игру. "Игроку"–читателю надлежало не только правильно определить прямую или косвенную цитату, но и уловить новые смысловые нити, связывающие уже знакомые ему образы с лежащим перед ним новым описанием. Тут, собственно, и рождались те смысловые структуры, которые автор транслировал читателям текста" [7. С. 60].

При всей бесспорной ценности для развития текстологической и герменевтической теории цитированной работы И.Н. Данилевского, его конкретные выводы иногда небесспорны. Характерно его рассуждение об анализе текста "Слова" Даниила Заточника: "Когда имеешь дело с произведениями, подобными Слову или Молению Даниила Заточника, которые практически полностью состоят из цитат, любое умозаключение "от текста к реальности" чревато самыми тяжелыми последствиями. Прочитав в Слове фразу: "Бысть языкъ мой трость книжника скорописца", исследователь, скорее всего, сильно ошибется, если сделает заключение, что "учившийся у скоморохов", но сам скоморохом не бывший Даниил на самом деле был профессиональным писцом. И в данном случае мы имеем дело с неочевидной (нам!) цитатой: "Языкъ мой трость книжника скорописца"" [7. С. 43]. Непонятным остается, как тот факт, что Даниил использовал для характеристики себя цитату влияет на установление ее истинности? Использование цитаты никак логически не подтверждает и не опровергает самого утверждения. Если предположить, что Заточник действительно был писцом, исключает ли это возможность использования указанной цитаты? Вряд ли. Степень правдоподобности остается ровно такой же как и не при "цитатном" высказывании.

Не всегда можно согласиться с конкретным выделением исследователем "скрытых цитат". Совпадение сюжетных линий, которое видится И.Н. Данилевскому проявлением цитатности иногда вполне может оказаться и совпадением [7.С. 97–98]. Весьма спорным кажется рассуждение исследователя о знаменитой фразе Владимира в ПВЛ: "Руси есть веселие питие – не можем без того быти", которую И.Н. Данилевский считает связанной с библейской топикой чаши, вина и причащения, что кажется сомнительным, поскольку никаких более или менее конструктивно схожих пассажей ему найти не удалось.

Лаконичная и рифмованная конструкция фразы и место ее в изучаемом тексте заставляет присоединиться к исследователям, видящим в ней древнерусскую пословицу, которые летописец использовал в своей работе нередко. В данном случае практически невозможно сказать, с какой целью летописец вложил названную фразу в уста равноапостольного князя: достаточных оснований видеть в ней намек на будущее принятие христианства, а не "просто" выражение неприемлемости для Руси мусульманского обычая нет.

Немало дискуссионных моментов содержится в получивших широкую известность курсах лекций "Древняя Русь глазами современников и потомков (XI – XII вв.)" [8], и "Русские земли глазами современников и потомков (XII – XIV вв.)" [9]. И.Н. Данилевскому удалось довести до понимания широких читательских масс суть герменевтического метода и подать результаты своих исследований в яркой, эмоциональной и образной манере (что и обеспечивает книгам стабильный читательский интерес). Однако, выводы его подчас бывают излишне резкими и неоп-

равданно "разоблачительными".

А.А. Горский – исследователь, в некотором смысле полярный И.Н. Данилевскому. Если для работ Данилевского характерен дух непримиримой полемики и "разоблачений", то мысль Горского более спокойна и традиционна. Их работы, посвященные, например, Александру Невскому лучше читать параллельно, как работы И.Е. Забелина и Н.И. Костомарова по Смутному времени. Для нашей работы наибольшую ценность представляет небольшая его книга, посвященная ментальности русского средневековья [6].

Продолжает развиваться самостоятельная отечественная традиция изучения средневекового общественного сознания и древнерусской духовной культуры. Правда, внимание ученых этого направления сосредоточено, в основном, на эпохе Московской Руси XIV – XVII вв. К данному направлению могут быть отнесены вышедшие в кон. XX в. монографии А.И.Клибанова [12], А.Л.Юрганова [47]. В 2004 г. вышла очень интересная книга Н.С. Борисова "Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света" [3]. Работал в данном направлении и автор настоящей статьи.

Перспектива продолжения работы в области социально-антропологического изучения Древней Руси на современном этапе связана, прежде всего, с расширением синхронического горизонта и охватом максимально разнообразных сторон жизни человека раннего русского средневековья, а также с детальной проработкой и более четкой артикуляцией методологической базы такого рода исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
2. Арциховский А.В. Одежда // История культуры Древней Руси. Домонгольский период / Под общей ред. академика Б.Д.Грекова и проф. М.И.Артамонова. Т. 1. М. – Л., 1951.
3. Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. Россия в 1492 году от Рождества Христова, или в 7000 году от Сотворения мира. М.: Молодая гвардия, 2004.
4. Власова И.В. Брак и семья у русских (XII – начало XX века) // Русские / В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1999.
5. Гирц К. "Насыщенное описание": в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры, Том 1: Интерпретации культуры. СПб: "Университетская книга", 1997.
6. Горский А.А. "Всего еси исполнена земля русская...": Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М.: Языки славянской культуры, 2001.
7. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-пресс, 2004.
8. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (XI – XII вв.) Курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 1998.
9. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII – XIV вв.) Курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 2001.
10. Даркевич В.П. "Градские люди" Древней Руси XI – XIII вв. // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. М.: Языки русской культуры, 2000.
11. Долгов В. Сквозь темное стекло. Александр Невский перед Судом Истории // Родина. 2003. № 12.
12. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996.
13. Кузнецов С.В. Религиозно-этические взгляды крестьян на землю и труд // Русские / В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1999.
14. Курбатов Г.Л. Фролов Э.Д. Фроянов И.Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988.
15. Левин Ив. Секс и общество в мире православных славян // Пушкарева Н.Л. (ред.) "А се грехи злые, смертные" (Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России X– первая половина XIX в). М., 1999.

16. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976.
17. Мельникова Е.А. Петрухин В.Я. Название "Русь" в этнокультурной истории Древнерусского государства // ВИ. 1989. № 8.
18. Назаренко А. В. К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси Замечания и размышления по поводу книги: Толочко А. П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев: Наукова думка, 1992. 224 с. //Средневековая Русь. Ч. 2. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
19. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII веков. М.: Языки русской культуры, 2001.
20. Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры. 2000;
21. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995.
22. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история М.: Наука, 1979.
23. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
24. Пушкарева Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5.
25. Пушкарева Н.Л. "Зачем он нужен, этот гендер?" Гендерная теория и историческое знание. СПб.:Алетейя, 2007.
26. Пушкарева Н.Л. Был ли секс на Руси? // Мегалополис–континент. 1991. № 15.
27. Пушкарева Н.Л. Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме. Перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение.1995. № 3.
28. Пушкарева Н.Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X–XV вв.) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6 и др.
29. Пушкарева Н.Л. Мать и материнство на Руси X–XVII вв. // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996.
30. Пушкарева Н.Л. Сексуальная этика в частной жизни древних русов и москвитов X–XVII вв. // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996.
31. Пушкарева Н.Л. Сексуальная этика Древней Руси // Европа плюс Америка. 1992. № 1
32. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М., 1997;
33. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: "Ладомир", 1997.
34. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: "Мысль", 1989
35. Пушкарева Н.Л. Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях (1945–1990). СПб.: "Русско–балтийский информационный центр БЛИЦ", 1997.
36. Рабинович М.Г. Общественный быт X – первой половины XIX века// Русские / В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1999.
37. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.: Наука, 1988.
38. Рожков Н.А. История, мораль и политика // Он же. Исторические и социологические очерки. Ч. 1. М., 1906.
39. Рожков Н.А. Психология характера и социология // Он же. Исторические и социологические очерки. М., 1906. Ч. 1.
40. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно–историческом освещении. Т.1Л.–М., 1927.
41. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси // От Корсуна до Калки. М., 1990.
42. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.
43. Русские / В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1999.
44. Фроянов И.Я. Дворниченко А.Ю. Кривошеев Ю.В. Введение христианства на Руси и языческие традиции // СЭ 1988. № 6.
45. Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М. – СПб., 1995.
46. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально–политической истории. Л., 1980
47. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
48. Ястребицкая А.Л. Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991.

© В.В. Долгов, (dolgov@udm.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

ПравотЭК
ИНФОРМ

www.lawtek.ru

новости, аналитика, обзоры

медиа

журналы, бюллетени,
книги

media.lawtek.ru

школа

семинары
и учебные курсы

school.lawtek.ru

конференции

Россия
и другие страны СНГ

conference.lawtek.ru

